

Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.
1. Под редакцией В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова, МИА, т. XIX,
1951, 294 стр., тираж 2000 экз., цена 30 руб.

Рецензируемый том открывается статьей В. Д. Блаватского «Материалы по истории Пантикапея», содержащей обстоятельный обзор археологических исследований, производившихся в течение XIX и первой половины XX вв. на территории пантикапейского городища. Важность такой работы вполне очевидна. Давно уже созрела потребность подытожить результаты археологического изучения городища Пантикапея, этого крупнейшего культурно-экономического и политического центра Причерноморской античности.

В. Д. Блаватскому пришлось выполнить очень трудоемкую и кропотливую работу по сбору сведений как о различных раскопках пантикапейского городища, так и о всех отдельных, случайного характера находках. Опираясь на тщательно собранные данные, В. Д. Блаватский выясняет археологическую топографию пантикапейского городища. Очень ценен план городища с обозначением всех пунктов раскопок и мест случайных находок (стр. 14). Большое внимание В. Д. Блаватский уделяет вопросу реконструкции процесса роста города, определению границ Пантикапея в различные периоды. Автором приняты во внимание все доступные сейчас для выяснения указанного вопроса факты, и в этом смысле выводы, вполне наглядно отраженные на «Схематическом плане предполагаемых границ Пантикапея» (стр. 16), являются достаточно обоснованными.

---

¹ Г. М. Маленков, Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 76—77.

Тем не менее условность этих заключений в настоящее время, до более широкого охвата Пантикапейского городища археологическими исследованиями, очевидна и неизбежна. В частности, самые последние (1951 г.) находки вещей эллинистического времени в средней части Ленинской улицы в Керчи показывают, что Пантикапей в спартокидовское время, очевидно, распространялся в северном направлении дальше, чем это можно было предполагать.

Избранный автором прием рассмотрения археологических материалов, к сожалению, очень громоздок. По каждому периоду производится обзор всех археологических наблюдений в определенной топографической последовательности. При этом естественно, приходится иногда по нескольку раз обращаться к одним и тем же раскопкам, поскольку они вскрывали напластования различных эпох. Отсюда многократные, подчас стереотипного характера повторения (стр. 24, 29 и др.). Целесообразнее было бы сделать обзор раскопочных материалов и случайных находок по крупным районам городища (южный склон, северный склон, верхнее плато и т. д.) от древнейшего до самого позднего времени, а затем уже на основании такого обзора дать общие выводы по каждому периоду в отношении целого городища.

Большой разницей наблюдается в хронологических определениях. Выдвинув свою периодизацию Боспора (см. стр. 13), автор затем ее почему-то не придерживается. Хотя В. Д. Блаватский предлагает считать, что «древнейшая эпоха Боспора включает и время правления Археанактидов», в дальнейшем изложении мы неоднократно сталкиваемся с такими характеристиками: «в древнейшую эпоху и во времена Археанактидов» (стр. 16, 18, 33 и др.). Первые века нашей эры называются «римским периодом», «эпохой Сарматской династии», «сарматской эпохой», «позднеантичной эпохой» (см. стр. 26 сл.).

В ряде случаев упоминаются находки на городище Пантикапея, но не отмечено, где они сейчас хранятся, хотя это можно было выяснить без особого труда. Являясь чудачным является встречающееся при описании строительных остатков Пантикапея выражение «хищническая кладка», которое значит, что в кладке той или иной стены имеются камни, плиты или даже архитектурные детали, вторично использованные. Нет никаких оснований видеть в этом непременно результат «хищничества».

Вызывает сомнения предлагаемое В. Д. Блаватским объяснение наличия в Пантикапее многочисленных ям-зернохранилищ, относящихся к позднему периоду. Автор видит в этом проявление процесса «рустификации» боспорской столицы, т. е. усиление в экономическом укладе жизни города сельскохозяйственных элементов, что обуславливалось, очевидно, все большей «натурализацией» хозяйства. Сама мысль о сдвигах в хозяйственной жизни Пантикапея в позднеантичное время интересна и заслуживает внимания. Однако вряд ли может быть признан убедительным тот археологический материал, на который опирается автор в подтверждение выдвигаемого им положения. Известно, что Пантикапей всегда был одним из главных центров хлебной торговли Боспорского государства. Поэтому здесь во все времена сосредотачивалось очень много зернового хлеба. Устройство в городе соответствующих приспособлений («амбаров») для хранения крупных запасов зерна легко объяснимо именно в этой связи. Для обоснования тезиса о «рустификации» столицы Боспора нужно что-то большее, чем ямы-зернохранилища.

Грубым ляпсусом является характеристика событий конца II в. до н. э. По словам В. Д. Блаватского, «город дважды становился добычей неприятелей: повстанцы Савмака и войск Диофанта» (стр. 20). Здесь объединены общим понятием «неприятель» и Савмак и Диофант. Действительно, в глазах пантикапейских рабовладельцев Савмак и восставшие под его водительством массы местного населения представлялись «неприятелем», что, впрочем, никак не обязывает нас солидаризироваться с такой рода «квалификацией» Савмака. Но само собой разумеется, что с точки зрения той же среды не мог быть «неприятелем» Диофант, пришедший ей на выручку и жестко подавивший восстание.

В общем и целом следует сказать, что важная и полезная статья В. Д. Блаватского чересчур перегружена справочным материалом. Половину статьи занима-

«Летопись раскопок». Все же, заканчивая рассмотрение этой статьи, необходимо еще раз подчеркнуть ее важное значение, несмотря на отмеченные нами выше недостатки. Последующие исследования Пантикапея будут значительно облегчены, благодаря наличию работы В. Д. Блаватского, в которой собраны материалы по археологической топографии столицы Боспора.

Статья Г. А. Цветаевой «Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав» обобщает результаты длительного изучения грунтовых некрополей Пантикапея, производившегося в течение многих десятилетий, преимущественно в дореволюционное время. Для социальной и культурной истории Боспорского царства труд Г. А. Цветаевой очень нужен; в нем систематизирован и исторически осмыслен большой археологический материал.

Автор напрасно отказался от хотя бы краткого обзора истории археологического изучения пантикапейского некрополя. В таком вводном обзоре надо было показать, какими материалами (в полном объеме) мы располагаем по данному вопросу, каково состояние соответствующих источников по некрополю Пантикапея.

Вопросу о греческих и местных элементах в Пантикапейском некрополе Г. А. Цветаева уделяет должное внимание. Однако ценность ее наблюдений снижена тем, что материалы Пантикапейского некрополя не сопоставлены с греческими некрополями собственно Греции и Малой Азии, с одной стороны, и некрополями местного населения на территории Северного Причерноморья — с другой. А без широкого привлечения сравнительного материала ряд выводов о «греческих» и «негреческих» компонентах в некрополе Пантикапея представляется недостаточно обоснованным и убедительным. Например, разбирая материалы раннего некрополя Пантикапея, Г. А. Цветаева устанавливает, что довольно значительное число мужских захоронений сопровождается оружием (стр. 68). Погребенных с оружием она считает безусловно греками, исходя из убеждения, что в то время защита Пантикапея лежала на гражданском ополчении. Возможность существования наемников автор решительно отвергает, полагая, что у пантикапейских правителей тогда еще не могло быть средств, необходимых для содержания наемного войска. Вывод этот — чисто умозрительный. В самом деле, почему непременно надо думать, что Археанактиды не в состоянии были иметь какое-то количество наемников? Доказать такое утверждение решительно нечем. О материальных ресурсах Археанактидов нам ничего неизвестно. Но характер их власти, соответствовавший греческому понятию «тирания», делает весьма вероятным применение наемнических контингентов. И недаром потом столь важную роль играет наемническое войско у Спартокидов.

Но допустим, что действительно все мужчины, погребенные с оружием, — греки, граждане Пантикапея. Можно ли все-таки рассматривать наличие оружия в этих могилах просто как следствие того, что в Пантикапее было «гражданское ополчение, воины которого приобретали оружие за свой счет?» А как обстояло дело тогда же в Греции, в тех греческих государствах, где войско комплектовалось из свободных граждан? Такой вопрос и не возникает перед автором. Погребения пантикапейских воинов она априори считает «типично греческими». Между тем, известно, что уже начиная с VI в. до н. э. в Греции не клали оружия в могилы. Объясняется это главным образом соответствующей эволюцией религиозных представлений, в тесной зависимости от которой изменялся и погребальный ритуал. В свете указанных фактов теряет почву вывод, что пантикапейские погребения с оружием — «типично греческие». Обычай хоронить вместе с оружием, изжитый уже в Греции, продолжает существовать в Пантикапее и других боспорских городах, как одно из проявлений культурного взаимодействия греков с негреческой местной средой. Как известно, у местных племен Северного Причерноморья, и прежде всего у скифов, оружие в погребениях мужчин — явление обычное и типичное; больше того, это одна из наиболее характерных особенностей скифо-сарматского погребального обряда. Да и само оружие (накопечники, стрел, мечи), обнаруживаемое в пантикапейских могилах, как правило, скифского образца. Независимо от того, все или не все погребенные с оружием в могилах Пантикапейского некрополя были греками, сам факт широкого распространения обычая

хоровить с оружием является одним из показателей своеобразия культуры боспорских городов, определявшегося тесным контактом их с местной этнической средой.

Касаясь положения Боспорского государства во второй половине II в. до н. э., Г. А. Цветаева так определяет основное противоречие внутренней социальной структуры: «угнетенными были представители местных племен — рабы и ремесленники. угнетателями — греки-рабовладельцы и крупные торговцы» (стр. 73). Автор считает рабовладельческий класс Боспорского государства этнически однородным, состоящим исключительно из греков, и полагает, что в дальнейшем, в первые века нашей эры, «рабами попрежнему оставались местные жители, а рабовладельцами — греки» (стр. 82). Приведенные выше утверждения произвольны. Многочисленные данные говорят совершенно недвусмысленно, что уже во времена Спартокидов рабовладельческий класс Боспора состоял не только из греков, но что он включал в себя и представителей верхушечных слоев местных племен, как полностью ассимилировавшихся с греками, так и полуэллинизованных, притом с течением времени эта прослойка неуклонно количественно увеличивалась. Достаточно, например, вспомнить колоритную фигуру Сопея, являвшегося правой рукой боспорского правителя Сатира I. Этот царский наместник, а одновременно, вероятно, и начальник вооруженных сил Боспора и крупный хлеботорговец, несомненно, был эллинизованным туземцем. С. А. Жебелев не без основания видел в нем синда (ИГАИМК, вып. 104, стр. 17). А кто такой «Тихон... муж многим желанный, родом тавр», о котором говорит надпись на панникапейском надгробии V в. до н. э.? Конечно, эллинизованный выходец из местной среды. Но вряд ли кто-либо возьмется утверждать, что названный «местный житель» был рабом. Примеры такие можно было бы приводить еще очень долго, но в этом и нет нужды, так как соответствующие материалы по данному вопросу уже освещались в нашей литературе. Применяемая Г. А. Цветаевой характеристика социальной структуры Боспора (греки — рабовладельцы, местные жители — рабы) неверна, ибо она неправомерно упрощает вопрос, игнорирует специфику Боспора, как этнически неоднородного государства, в котором интенсивно протекал процесс ассимиляции. В результате последнего в составе «боспорских греков» было громадное количество «огречившихся» местных жителей, входивших в различные социальные слои населения, в том числе и в состав рабовладельческой верхушки.

Статья И. Т. Кругликовой «Фанагорийская местная керамика из грубой глины» посвящена изучению негреческой, в основной своей массе лепной, керамики из раскопок городища Фанагория. Следует всячески приветствовать обращение наших археологов-античников к изучению и этого материала — внешне очень скромного, не блещущего художественными достоинствами, но представляющего тем не менее значительную ценность, как один из существенных элементов материальной культуры городов Боспора. Образцы этой керамики почти полностью отсутствуют в музейных коллекциях дореволюционного времени, так как она считалась лишней всякого научного значения. Нет нужды доказывать порочность и абсурдность такого отношения к данной группе археологического материала.

И. Т. Кругликова старательно изучила имевшийся в ее распоряжении фанагорийский материал, сопоставила его с аналогичными типами керамики, известными по раскопкам других городов Боспора (Мирмекий, Тиритака, Илурат), Прикубанья и т. д. Нам представляется, однако, неправильным, что исходным, руководящим признаком, характеризующим изучаемую группу материала, автор считает «грубую глину». И. Т. Кругликова видела главную цель своей работы в издании не просто керамики с определенными технологическими признаками, а керамики, свойственной культурным традициям и бытовым навыкам аборигенного населения, жившего в Фанагории. Основная же масса этой керамики обладает значительно более выразительным техническим признаком, нежели «грубость» глины — она, как правило, изготовлена ручной лепкой, без употребления гончарного круга. Характерные особенности такой керамической продукции определялись условиями ее производства — простую обиходную лепную керамику делали не в профессиональных гончарных

мастерских; ее изготовление составляло подсобную отрасль домашнего хозяйства, где этим делом, как показывают этнографические параллели, занимались преимущественно женщины. Что касается «грубости» глины, свойственной лепной керамике, то признак этот, строго говоря, не решающий. Сосуды лепной техники, встречающиеся в боспорских городах, отнюдь не однородны по составу и качеству керамического теста. Обычно лепная посуда более ранних периодов отличается значительно более тщательной выделкой, более плотным черепком, меньшим количеством примесей, нежели лепная керамика позднего времени.

Не говоря уже о том, что понятие «грубая глина» — расплывчатое, оно к тому же не покрывает всей массы материала. На стр. 91 И. Т. Кругликова рассматривает лепные сосуды, которые, по ее словам, отличаются относительно высоким качеством глины, тщательностью изготовления и хорошим обжигом. Но все же это должно входить, по замыслу автора, в категорию керамики из «грубой глины».

Руководствуясь столь шатким критерием, И. Т. Кругликова включила в круг изучаемого ею материала и такие изделия, как кухонные котлы («тип IV» — кастрюли; стр. 100): Им присуща тщательная выделка, тонкие стенки, изготовлены они на гончарном круге. Очевидно, перед нами один из видов кухонной утвари (*υστρα*), соответствующей и по форме и по приемам технического изготовления (гончарный круг!) обычной греческой керамике. Но так как глина этих сосудов «грубая», автор стремится непременно связать их с негреческим населением Фанагории и приходит к такому выводу: «Вероятно, большое распространение подобного типа качественной керамики из грубой глины в I в. до н. э. — I в. н. э. надо поставить в связь с изменениями этнического состава населения Фанагории, с упадком античной культуры и развитием местной культуры городов Боспора». И все это только потому, что «кастрюли» сделаны из «грубой глины». Не слишком ли большие выводы построены на глине?

У И. Т. Кругликовой получается, что «грубая глина» это неизбежный и так сказать фатальный спутник керамической продукции, выходявшей из рук местного населения. Но стоит вспомнить античную керамику местных кубанских мастерских, отлично освоивших гончарный круг и умевших делать очень хорошую посуду, чтобы убедиться в полной несостоятельности такого заключения. Суть дела, стало быть, не в грубой глине, как некоем обязательном признаке местной негреческой керамики, бытовавшей в боспорских городах, а в том, что жившее там аборигенное население упорно и настойчиво сохраняло один из своих традиционных способов производства керамики, именно лепной керамики — со всеми свойственными последней техническими приемами, в том числе и способом приготовления керамического теста.

В статье И. Б. Зеест «К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией» подвергнуты рассмотрению остродонные амфоры, выявленные раскопками двух кубанских городищ: Елизаветинского и Семибратнего. Учитывая, что до последнего времени амфорный материал оставался крайне недостаточно изученным, следует особенно настойчиво подчеркнуть важность систематически производимого И. Б. Зеест исследования данной группы керамики. Исследование амфорного материала из Елизаветинского и Семибратнего городищ дает возможность показать, из каких греческих центров проникли сюда те товары, которые транспортировались в глиняных амфорах. Тем самым определяется степень вовлечения в торговый обмен наиболее крупных прикубанских поселений в различные периоды. Однако именно историческая интерпретация материала, предлагаемая И. Б. Зеест, является наиболее уязвимой частью ее работы. И вот почему. По мнению автора, все привозные амфоры, встречающиеся в прикубанских поселениях, поступали туда из Фанагории, игравшей очень важную роль в торговле с Прикубаньем. И. Б. Зеест ссылается на Страбона (XI, 495), который сообщает, что Фанагория была крупным торговым центром, где сосредотачивались товары, поступающие из Меотиды и лежащих за нею областей. Следовательно, Фанагория была складочным и перевалочным пунктом для товаров, шедших из приазовских и прикубанских районов. Что же касается импортной продукции, попадавшей на Боспор «с моря» (*ἐκ τῆς θάλαττης*), т. е. через Понт Евксин-

ский, из заморских стран, то, согласно Страбону, она поступала в Пантикапей. Таким образом, Страбон ясно подчеркивает значение столицы Боспора как центра, в котором сосредотачивался импорт. Возможно, что такое положение было обусловлено фискальными требованиями, а также стремлением боспорских правителей обеспечить в первую очередь столицу привозными товарами. Во всяком случае, из слов Страбона следует, что импорт направлялся прежде всего в Пантикапей. Очевидно, дальнейшее распространение привозной продукции, в частности, проникновение ее в Прикубанье, могло происходить при посредничестве фанагорийских купцов, через Фанагорию, но могло также осуществляться непосредственно из Пантикапея в те или иные торговые пункты Прикубанья. Наконец, нельзя сбросить со счета и другие торговые города азиатской стороны Боспора (Гермонасса, Горгишия и др.), которые, несомненно, участвовали в продвижении импортных товаров на территорию Прикубанья. Считать, что все привозное, находимое на кубанских городищах (Елизаветинском и Семибратнем), привезено туда обязательно из Фанагории — значит упрощать довольно сложную картину внутренней торговли Боспора.

Вторая работа И. Б. Зеест «Керамическая тара Елисаветовского городища и курганного некрополя» (стр. 119--124) тесно примыкает к предыдущей статье. В ней рассматриваются амфоры, найденные при археологических исследованиях раннего Танаиса и его курганного могильника. Наиболее многочисленную группу составляют 41 гераклеяская амфора, причем преобладают амфоры второй половины IV в. до н. э. Автором хорошо изучены типы четырех фасосских амфор, найденных в Елисаветовском курганном некрополе. Сомнительно только, можно ли объяснять подражанием черты некоторого сходства с синопскими амфорами, которые имеет одна издаваемая И. Б. Зеест фасосская амфора III в. до н. э. Согласно И. Б. Зеест, массовое производство синопских амфор началось с III в., что и послужило причиной подражания им на Фасосе. Но, как известно, синопский импорт не играл сколько-нибудь заметной роли в Эгейском бассейне, а поэтому и синопские амфоры вряд ли могли там стать предметом подражания. Благодаря работе И. Б. Зеест, амфоры, найденные в курганах у ст. Елисаветовской, становятся одним из полноценных археологических источников для изучения торговых связей Нижнего Подонья с античным миром.

Д. Б. Шелов в статье «Монетная система городов Боспора в VI—V вв. до н. э.» выясняет систему номиналов боспорских монет раннего периода — до начала IV в. до н. э. Автор критически проанализировал материалы о весе боспорских монет VI—V вв. до н. э., представленные в известной работе А. Л. Бертье-Делагарда («Нумизматич. сборн.», II, 1912), и на основе внимательного пересмотра этих фактических данных представил обновленную характеристику системы номиналов боспорской чеканки раннего времени, расчленив последнюю на ряд хронологических этапов в соответствии с современным уровнем наших знаний о развитии денежного дела на Боспоре.

Едва ли следовало исключать из таблицы номинал Пантикапея начала второй половины V в. до н. э. весом в 8,54, 8,16 и 7,20 г, определенный А. Л. Бертье-Делагардом как 9 оболов. Д. Б. Шелов сомневается в подлинности этих монет, ссылаясь на «необычность» присущего им веса. Аргумент, конечно, не очень убедительный. Не изучив самые монеты, вряд ли можно с такой категоричностью причислять их к категории подделок, исключая данный номинал из пантикапейского чекана.

Говоря об усилении активности Афин по отношению к Боспору в V в. до н. э., Д. Б. Шелов пишет: «Неслучайным является и тот факт, что во всех трех пунктах Боспора, начавших чеканку монеты в последней четверти V в., чувствуется аттическое влияние». Положение это Д. Б. Шелов подкрепляет ссылкой на типологию монет Феодосии (изображение головы Афины) и синдов (изображение совы). Что касается Нимфея, то тут Д. Б. Шелов никаких доводов не приводит, ограничиваясь лишь замечанием: «В Нимфее — афинском владении — оно (т. е. аттическое влияние. — В. Г.) разумеется само собой» (стр. 133). Последнее утверждение естественно порождает недоумение, поскольку никаких сколько-нибудь заметных признаков афинского влияния на кратковременный чекан монет Нимфея никем, насколько мы знаем,

не было до сих пор подмечено. Напротив, А. Н. Зограф в своем труде «Античные монеты» говорит о близости стиля, фактуры и весовой системы нимфейских монет к современным им пантикапейским монетам и подчеркивает чисто местный характер нимфейского чекана.

Д. Б. Шелов придерживается особого взгляда на монеты с надписью АΠΟΛ (см. ВДИ, 1949, № 1, стр. 142 сл.). Он считает, что эти монеты чеканились не Пантикапеем, а городом Аполлонией. Как ни остроумно предположение Д. Б. Шелова, все же оно остается только одной из более или менее вероятных гипотез, ибо полностью отсутствуют другие какие-либо данные, которые могли бы подтвердить действительное существование на Боспоре города Аполлонии. Ни один из литературных или эпиграфических источников такого города не упоминает. Приходится поэтому согласиться с А. Н. Зографом, который считал невозможным в настоящее время найти вполне удовлетворительное и бесспорное решение вопроса о монетах с указанной надписью. Разумеется, это не означает отказа от поисков путей к разрешению данного вопроса. В этом смысле вполне закономерна и попытка Д. Б. Шелова объяснить данную группу монет. Но едва ли правильно, опираясь на такую гипотезу, безоговорочно вносить в таблицу номиналов раннего боспорского чекана в виде специальной рубрики монеты «Аполлонии Таврической» как самостоятельного города.

Статья М. М. Кобылиной «Поздние боспорские пелики» посвящена исследованию одной из групп расписных краснофигурных ваз второй половины IV в. до н. э., представленных значительным количеством находок, которые происходят главным образом из погребений пантикапейского некрополя. В статье дан детальный разбор поздней группы краснофигурных ваз, являющихся ярким свидетельством интензивных связей Боспора с Афинами в IV в. до н. э. Автор достаточно убедительно показал существование нескольких стилистических течений в краснофигурной вазовой живописи второй половины IV в. до н. э.

М. М. Кобылина ставит важный вопрос о существовании на Боспоре своего производства краснофигурных ваз. Но он затронут автором лишь вскользь, без подробного разбора соответствующего материала. Необходим всесторонний и углубленный анализ, включая и химико-технологический анализ глины, чтобы можно было уже с твердой уверенностью говорить о производстве на Боспоре краснофигурной керамики. Желательно, чтобы автор продолжил свою работу в указанном направлении. Досадно, что очень ценная работа М. М. Кобылиной сопровождается низкокачественными воспроизведениями ваз. Рисунки дают лишь самое общее представление об издаваемых памятниках. Материал статьи безусловно заслуживал более тщательного воспроизведения. Издательство АН СССР, к сожалению, не обеспечило высококачественных воспроизведений ценного материала, имеющего большое историко-археологическое и историко-художественное значение.

В другой статье М. М. Кобылиной «Скульптура Боспора» излагаются результаты исследования одной из групп боспорской пластики, а именно портретной скульптуры. Отправным пунктом исследования служит хорошо известная анапская статуя Неокла (II в. н. э.). Автор еще раз детально разбирает это замечательное произведение и приходит к заключению, что анапская статуя продолжает традицию монументальных портретных статуй на Боспоре (стр. 172) и что «портрет правителя, представляющий своего рода утверждение его власти и ее пропаганду, был одним из самых характерных типов боспорской монументальной скульптуры». К сожалению, из-за крайней скудости фактического материала этот тезис не может быть достаточно развит и конкретизирован. Единственная, дошедшая до нас в фрагментированном виде, монументальная статуя, изображающая, по видимому, боспорского правителя и относящаяся еще к IV в. до н. э., является, как указал в свое время Б. В. Фармаковский, произведением афинских скульпторов и для темы о боспорском скульптурном портрете, в сущности, ничего не дает. Интересная мысль о боспорской «традиции» в искусстве скульптурного портрета, проявления которой М. М. Кобылина видит в анапской статуе, требует более развернутой аргументации. Следует приветствовать привлечение к исследованию двух превосходно сохранившихся эрмитажных статуй I в. н. э.,

найденных в середине прошлого века в Керчи. Сопоставление керченской мужской статуи с анапской дает возможность М. М. Кобылиной настаивать, что и керченская статуя является портретным изображением боспорца.

В последующих разделах статьи М. М. Кобылина рассматривает серию боспорских портретных скульптур, относящихся ко времени с III в. до н. э. до I—II вв. н. э. Наряду с высокохудожественными скульптурными произведениями, обслуживавшими боспорскую «аристократию», значительное место занимают более «рядовые» произведения местных мастеров («массовая народная скульптура») — по выражению М. М. Кобылиной) в виде надгробных статуй и рельефов, мотивов и т. п. В этой группе памятников с особенной силой проявляется своеобразная местная переработка греческих художественных приемов. Но едва ли правильно ставить эту группу памятников боспорской скульптуры в один ряд с местными антропоморфными надгробиями. Последние представляют собой особый тип абстрактных, так сказать чисто символических изваяний. В связи с этим мы не можем признать закономерным сопоставление фанагорийского антропоморфного надгробия (рис. 7, 2) с надгробной статуей-полуфигурой, найденной в районе Тамани (рис. 7, 3). Это вещи принципиально совершенно разные. Спорным представляется отнесение женской статуи, представленной на рис. 9, 2, к разряду портретных; более вероятно, что это — идеальный тип. Следовало бы отметить при рассмотрении некоторых надгробий сочетание портретного изображения с ритуальным мотивом (например, рис. 7, 3 и 4; 9, 1). Автор повторяет (стр. 178) устаревший взгляд на известную золотую маску из пантикапейского царского погребения, называя ее маской «жены Рискупорида II», тогда как в действительности это маска Рискупорида III.

Отмеченные нами отдельные спорные положения и некоторые недочеты не могут повлиять на общую оценку работы. В целом статья М. М. Кобылиной интересна, она содержит ряд свежих наблюдений, построена на мало еще изученном материале, поднимает ряд важных принципиальных вопросов истории боспорского искусства.

Несколько статей рецензируемого тома представляют собой отчеты о раскопках некрополя Фанагории. Сюда относится отчет В. Д. Блаватского о результатах исследования фанагорийского некрополя за 1938—1940 гг. и отчеты М. М. Кобылиной за 1947 и 1948 гг. Хотя раскопки столетних некрополей Боспора велись и в дореволюционное время, но фиксация этих раскопок была, как правило, неудовлетворительной: не делалось ни планов раскопанных могил, ни общих планов исследованных площадей некрополя; описание комплексов производилось крайне суммарно, в результате чего многие детали погребального обряда ускользали из поля зрения исследователей и т. д. Поэтому надлежит с особым удовлетворением отметить проведенные в Фанагории В. Д. Блаватским и М. М. Кобылиной довольно широкие исследования массовых некрополей, давших полноценный материал. Из находок, помимо ряда интересных импортных вещей, заслуживают быть специально отмеченными некоторые керамические изделия фанагорийского производства (например, сероглиняные ойнохой с клеймами, «акварельные» сосуды и др.). Серьезным недостатком отчетов о раскопках фанагорийского некрополя, содержащих большой фактический материал, следует считать отсутствие более широких, развернутых исторических обобщений. Имеющиеся выводы очень кратки.

Статья Н. Я. Мерперта «Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г.» дополняет отчет В. Д. Блаватского. Автор сделал ряд наблюдений, которые несколько расширяют уже известные ранее сведения о черепицах Боспора времени Спартокидов. Н. Я. Мерперт высказывается в пользу предположения о существовании в Фанагории своих эргастериев, изготовлявших черепицы. Что касается группы черепиц, найденной на фанагорийском некрополе, то нельзя не отметить противоречивости описания одной и той же находки. В. Д. Блаватский в своем отчете (стр. 195 сл.) сообщает, что под выкладкой из шести черепиц «ничего обнаружено не было, хотя выборка земли производилась здесь до материка и был тщательно проконтролирован верхний слой последнего». По словам же Н. Я. Мерперта, под черепицами обнаружена засыпанная землей яма, которую он считает кенотафом. По всей видимо-

ти, неточность допущена в отчете. Замечание Н. Я. Мерперта, что кенотафы Греция знала со времен Гомера, не совсем верно. Кенотафы известны на территории Греции еще и раньше, в эгейскую эпоху¹.

Н. Я. Мерперт на всем протяжении своей статьи плоские черепицы неизменно называет соленами. К сожалению, и во всех других статьях рецензируемого тома плоские (основные) черепицы всегда именуется «соленами». Такое пристрастие к термину, не имеющему под собой реального основания, поистине достойно удивления. Как известно, на боспорских черепицах времен Спартокидов имеются клейма (они известны в значительном количестве), которые удостоверяют изготовление черепицы в царских мастерских не обозначением собственного имени царя, а лишь прилагательным *βασιλική* или *βασιλικός*. Прочно установлено, что клеймами первого рода снабжались только большие плоские (основные) черепицы, а клеймами второго рода — только вспомогательные черепицы, которые предназначались для покрытия боковых стыков плоских черепиц. Следовательно, техническое название одного вида черепиц было женского рода, а наименование других — мужского. Мыслимо ли, чтобы плоские черепицы назывались «соленами»? Конечно, нет, потому что греческое слово *σολήνη* мужского рода. Стало быть, ставя клеймо *βασιλική*, имели в виду иное слово, притом, разумеется, женского рода. Таковым, вероятнее всего, было *κεραμίς* — термин, хорошо известный и по литературным, и по эпиграфическим источникам. Таким образом, можно смело утверждать, что на Боспоре плоские черепицы не именовались соленами. Больше того, и в других местах античного мира этот термин не применялся по отношению к черепицам. В Пергаме и Спарте клейма *βασιλική* стоят только на плоских черепицах. Приведенных выше данных вполне достаточно, чтобы не называть плоские черепицы, изготовлявшиеся на Боспоре, соленами. Дополнительных обоснований для этого не требуется, и совершенно напрасно на них настаивает Н. Я. Мерперт.

Том заканчивается статьей В. Д. Блаватского «Харакс» (стр. 250—291). В ней подробно изложены результаты раскопок Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. Разнообразный археологический материал, представленный в статье, хорошо характеризует устройство и культурный облик Харакса, служившего опорным пунктом римлян на южном берегу Крыма в I—III вв. н. э. Показаны оборонительные стены и некоторые внутренние сооружения крепости (термы, водопровод, так называемый Бямфей.) Очень интересен материал харакского могильника, относящегося уже ко времени, когда крепость была покинута римским гарнизоном, но в ней продолжало жить гражданское население.

В. Д. Блаватский отмечает дважды (стр. 259 и 289), что после вторжения римлян в Крым при Нероне (экспедиция Плавтия Сильвана) главной опорной базой оккупационных войск в Крыму был Пантикапей. Мы не видим оснований для такого заключения. У Иосифа Флавия («Иудейская война», II, 16, 4) содержится лишь указание на прямое подчинение боспорцев, как и всех обитающих вокруг Понта и Меотиды. В указанной связи можно думать, что гарнизоны были размещены на Боспоре, как и в ряде других пунктов северопрichernоморского и кавказского побережья. Главная база римских оккупационных сил, вероятно, находилась не в Пантикапее, а в Хермессе, так как там и позднее был центр римских оккупационных сил Крыма. Обилие Хараксе поздних боспорских монет позволяет поставить вопрос: не охранялся ли Харакс отрядом боспорского войска после вывода римских сил? Как известно, при Савромате II произошло присоединение Таврики к Боспору (IOSPE, II, 423). В III в. н. э. один из боспорских Рискупоридов именуется «царем всего Боспора и таврофов» (ИАК, вып. 63, стр. 112). В силу этого весьма вероятно пребывание некоторого количества боспорских войск в III в. н. э. в Хараксе.

В статье следовало опубликовать несколько больше вещевых находок, особенно некрополя, за счет некоторого сокращения полевых снимков или повторяющихся, без особенной на то необходимости, один и тот же объект (например, рис. 9, 2, 3, 4 и

¹ См. А. Н. Дальский, Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах, 1937, стр. 56 сл.

5, 6), или маловыразительных (например, рис. 17, 3, 4). Ряд рисунков издан почему-то без масштаба, а в тексте размеры вещей не указаны, что делает невозможным выяснение реальной величины вещей (например, рис. 10, 11, 13). Особенно досадно это упущение в отношении интересной группы амфор (стр. 273). Непонятно, в каком смысле при описании Нимфея употребляется термин «цемянка». Как известно, цемянка — это керамическая крошка, которая подмешивалась к известковому раствору для придания ему гидравлических свойств. Иногда такой раствор, с примесью толченой керамики, называют в целом цемянкой, что, строго говоря, неправильно. Но у В. Д. Блаватского (на стр. 282) говорится о «цемянке, смешанной с толченой керамикой», что выглядит совсем странно.

Рассмотренный нами XIX том МИА в целом отличается разнообразием освещенных в нем тем, важностью поднятых в отдельных статьях проблем, обилием нового интересного материала — в том числе и такого, который совсем игнорировался дореволюционной буржуазной археологией (например, местная лепная керамика). Для некоторых работ сборника характерно стремление дать широкое обобщение большого материала, исторически осмыслить его, что весьма показательно именно для советских археологических исследований. Однако существенным недостатком является то, что в ряде статей историческое истолкование археологического материала недостаточно глубоко и методологически верно продумано, что и привело некоторых авторов в ряде случаев к весьма спорным, а порой и неверным заключениям (это особенно сказалось на статьях Г. А. Цветаевой, И. Т. Кругликовой, И. Б. Зеест). Отчеты о новых раскопках в Фанагории надлежало снабдить развернутыми выводами. В дальнейших изданиях подобного рода необходимо стремиться к расширению круга авторов статей. В рецензируемом томе все авторы являются сотрудниками московского сектора античной археологии ИИМК.

Недостаточно тщательная отредактированность тома проявилась в том, что некоторые статьи перегружены сырым справочным материалом («Летопись...» в статье В. Д. Блаватского «Материалы по истории Пантикапея»), а местами вкрались непростительные ляпы (такова, например, характеристика Савмака в названной выработке); очевидно, теми же причинами объясняется крайне упрощенное сопоставление Боспора с «рабскими империями» (в предисловии). Было бы, однако, несправедливо из-за имеющихся в данном томе недостатков отрицать его в общем положительное значение. В нем имеются ценные исследования и публикации совершенно новых материалов, к которым, несомненно, будут обращаться в дальнейшем все занятые изучением истории античного Причерноморья.